

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД ЛАТВИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Перевод с латышского языка

РЕШЕНИЕ

ОТ ИМЕНИ ЛАТВИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Рига, 27 июня 2003 года

По делу № 2003-03-01

Конституционный суд Латвийской Республики в следующем составе: председатель судебного заседания Айварс Эндзиньш, судьи Илзе Скултане, Романс Апситис, Илма Чепане, Юрис Елагинс, Андрейс Лепсе, и Анита Ушацка,

по конституционным жалобам Ромуалдса Добровольскиса, Мариса Саранса и Сергея Черникова,

на основании статьи 85 Конституции Латвийской Республики, пункта 1 статьи 16, пункта 11 части первой статьи 17 и статьи 28¹ Закона о Конституционном суде,

в письменном процессе 3 июня 2003 года на судебном заседании рассмотрел дело

«О соответствии предложения 3 части седьмой статьи 77 Уголовно-процессуального кодекса Латвии статье 92 Конституции Латвийской Республики».

Констатирующая часть

1. 17 октября 2002 года Сазайма Латвийской Республики (далее – Сазайма) в Уголовно-процессуальный кодекс Латвии (далее – Кодекс) внесла изменения, дополнив статью 77 Кодекса частью седьмой в следующей редакции:

«Со дня получения дела в суде до окончания рассмотрения дела в суде первой инстанции срок меры пресечения – ареста арестованного лица не должен быть дольше одного года и шести месяцев. После его окончания меру пресечения – арест следует отменить и арестованное лицо немедленно освободить из заключения. В исключительных случаях по уголовным делам об особо опасных преступлениях, если они связаны с насилием или угрозой

насилия, срок меры пресечения – ареста свыше одного года и шести месяцев может продлить Сенат Верховного суда.»

Данная правовая норма вступает в силу 1 ноября 2002 года.

2. Заявители конституционной жалобы – Ромуалдс Добровольскис, Марис Саранс и Сергей Черников (далее – заявители) оспаривают соответствие предложения 3 части седьмой статьи 77 Уголовно-процессуального кодекса Латвии (далее – оспариваемая норма) статье 92 Конституции.

Заявители указывают, что оспариваемая норма ограничивает их права на справедливый суд по нескольким причинам. Во-первых, она нарушает презумпцию невиновности, так как включенным в оспариваемую норму единственным условием продления срока ареста является тяжесть преступного деяния. Согласно части третьей статьи 5 Европейской Конвенции по защите прав и основных свобод человека (далее – Конвенция) суды при анализе всех обстоятельств установления ареста должны следовать презумпции невиновности. Во-вторых, оспариваемая норма ограничивает права заявителей на справедливый суд, так как продление срока ареста у Сената Верховного суда Латвийской Республики (далее – Сенат) просит судья, в производстве которого находится уголовное дело. В-третьих, оспариваемая норма не предусматривает возможности обжаловать решение Сената о продлении срока меры пресечения – ареста. Заявители считают, что справедливый суд включает возможность обжаловать решение суда первой инстанции в по меньшей мере еще одной судебной инстанции. В-четвертых, не обеспечено право участника процесса – подсудимого выражать мнение о продлении срока ареста.

3. В ответе **Сазйма** не согласна с мнением заявителей, что оспариваемая норма не соответствует статье 92 Конституции. До 1 ноября 2002 года нормы Кодекса только во время досудебного расследования предусматривали установленные сроки ареста, а после передачи уголовного дела в суд длительность ареста не была ограничена. Поэтому при дополнении статьи 77 Кодекса частью седьмой целью законодателя было улучшить положение обвиняемых и подсудимых, а не устанавливать для них дополнительные ограничения.

Сазйма указывает, что согласно презумпции невиновности подсудимый не должен доказывать свою невиновность, так как обязанность доказательства лежит на обвинителе. Все сомнения в вине подсудимого суд должен оценивать в пользу подсудимого. Однако, из принципа презумпции невиновности не следует, что подсудимый не может применять арест, так как арест является не наказанием, а средством обеспечения судопроизводства. Для защиты демократического государственного строя и прав других лиц в отношении невиновных лиц до доказательства их вины допускаются ограничения, необходимые для осуществления уголовно-процессуальных действий (см. *решение Конституционного суда от 22 октября 2002 года по делу № 2002-04-03*). Таким ограничением считается мера пресечения – арест.

Сазйма не согласна с мнением заявителей, что презумпция невиновности нарушается, если судья, в производстве которого находится дело, требует продления срока ареста. Судья, не решая вопрос о вине лица в преступном деянии, вправе принять решение о применении, изменении меры пресечения или продлении ее срока. Сазйма считает, что принятие такого решения не

связано с допросом свидетелей, а также отсутствует необходимость выслушивать мнение подсудимого или его представителя.

Сэйма указывает, что статья 92 Конституции не предусматривает права обжалования каждого постановления суда в суде высшей инстанции. Статья 6 Конвенции также не налагает на государства обязанности внедрять во всех случаях систему апелляционных судов. Следовательно, государство само может устанавливать объем принципа обжалования согласно системе своих прав. При внедрении системы апелляционных судов государство может установить в своем национальном законе категории дел, для которых обжалование в апелляционной инстанции не предусмотрено. Статья 2 протокола 7 Конвенции также предусматривает право лица обжаловать приговор суда, а не решение, принятое в ходе судебного разбирательства до объявления приговора.

Сэйма подчеркивает, что законодатель, дополнив статью 77 Кодекса частью седьмой установил: решение о продлении срока ареста свыше одного года и шести месяцев принимает Сенат. Данная норма не предусматривает права обжалования решения Сената. Однако, это не лишает подсудимого права в ходе дальнейшего судебного разбирательства по делу подавать суду новые просьбы об отмене или изменении меры пресечения.

4. В ответ на письмо Конституционного суда Сэйма дополнительно указывает, что лицам, обвиненным и переданным суду за совершение особо тяжких преступлений, связанных с насилием или угрозой насилия, оспариваемая норма позволяет претендовать на освобождение из под ареста если прошел один год и шесть месяцев и если подсудимый своим поведением доказал, что, находясь на свободе, он не будет избегать суда, не будет угрожать или влиять на свидетельствующих по уголовному делу лиц или не совершит других преступных действий. Сэйма подчеркивает, что оспариваемая норма относится только к указанным в ней исключительным случаям и она не допускает автоматического продления срока ареста.

Сэйма поясняет, что оспариваемая норма принята с учетом перегрузки судов, из-за которой увеличилось время рассмотрения дел, а также объективных обстоятельств, когда суд не имеет возможности провести судебное разбирательство по делу в течение одного года и шести месяцев. Если законодатель не принял бы оспариваемую правовую норму, можно допустить вероятность, что подсудимый сознательно затягивал бы судебный процесс и дожидался бы освобождения от ареста. Но, если от ареста были бы освобождены все обвиненные в особо тяжких и насильственных преступных деяниях без оценки их личности, могла бы возникнуть угроза безопасности как свидетельствующих по конкретному делу лиц, так и общества. Так как оспариваемая норма применяется только в исключительных случаях, когда необходима качественная оценка личности подсудимого, законодатель право принятия решения о продлении срока ареста поручил Сенату.

Сэйма указывает, что законодатель при принятии оспариваемой нормы рассмотрел вопрос также о максимальном сроке ареста на стадии судебного разбирательства по делу. Однако, законодатель сделал вывод, что к каждому делу необходим индивидуальный подход и, следовательно, продление срока ареста может быть различным. Предусмотрением в законе максимального срока ареста можно достичь обратного эффекта – не улучшить организационные меры суда для того, чтобы по возможности в более короткое время закончить

судебное разбирательство по делу, а допустить промедление в рамках сроков, установленных процессуальными нормами.

5. Председатель Департамента по уголовным делам Сената Верховного суда Латвийской Республики Павелс Грузиньш в ответ на заданный Конституционным судом вопрос указывает, что арест как наиболее ограничивающая права человека мера пресечения применяется к лицам, которые подозреваются в возможном уклонении от следствия или препятствовании судопроизводству в разумные сроки.

П.Грузиньш также поясняет, что закон не устанавливает, что понимать под включенным в оспариваемую норму понятием «исключительные случаи». В практике Сената с 1 ноября 2002 года понятие «исключительные случаи» отнесено к характеру насилия или угрозы насилия, числу пострадавших, количеству эпизодов преступного деяния, рецидивов преступления, неустановленного места жительства подсудимого, а также к ранним, но не погашенным судимостям. Выбор ареста как меры пресечения основан на исследовании личности в каждом конкретном случае.

По мнению судей Департамента по уголовным делам Сената Верховного суда Латвийской Республики, оспариваемая норма улучшает положение подсудимых, а не ухудшает его.

6. Руководитель рабочей группы по разработке проекта Уголовно-процессуального закона Латвии Гунарс Кутрис указывает, что оспариваемая норма не противоречит статье 92 Конституции, а также международным правовым нормам. Упомянутые в конституционных жалобах аргументы заявителей возникли при неверном толковании закона. Он поясняет, что часть третья статьи 5 и часть первая статьи 6 Конвенции предусматривает рассмотрение дела задержанного, арестованного или обвиняемого лица в разумный срок. Но ни в одном нормативном акте не поясняется понятие «разумного срока», так как оно оценивается по каждому конкретному делу отдельно в зависимости от характера преступного деяния и личных качеств подозреваемого.

Г.Кутрис поясняет, что в Латвии исторически сложился порядок, который предусматривает, что законом все же установлен максимально допустимый срок ареста. До 1 ноября 2002 года статья 77 Кодекса предусматривала максимальный срок ареста на стадии досудебного расследования дела. При увеличении нагрузки судов в последние годы в Латвии существенно увеличился также срок рассмотрения дел. Для устранения длительного нахождения арестованных лиц под арестом и обеспечения рассмотрения данных уголовных дел в разумные сроки законодатель установил ограничивающую норму также в отношении срока ареста на стадии судебного разбирательства по делу. Но законодатель предусмотрел возможность продлить в исключительных случаях срок ареста, если по различным причинам (например, схема сложного преступного деяния, много эпизодов, большая группа обвиняемых, умышленное затягивание процесса и др.) необходимо более длительное время для судебного разбирательства по делу и не исчезли причины для содержания подсудимого под арестом. Решение о продлении срока ареста на стадии судебного разбирательства по делу вправе принимать только Сенат.

Г.Кутрис дополнительно поясняет, что оспариваемая норма не противоречит также презумпции невиновности, так как судья при принятии решения о применении меры пресечения или продлении ее срока не принимает решения о вине лица в преступном деянии. Однако, по каждому конкретному делу должны быть собраны доказательства, которые убедили бы судью принять решение о применении ареста, а именно, что конкретное лицо является возможным виновным.

Г.Кутрис также указывает, что в Латвии тяжесть преступного деяния является только одним из критериев, которые влияют на выбор меры пресечения. Сенат также каждый раз заново оценивает обстоятельства для продления срока ареста. Одновременно это осуществляемый Верховным судом контроль над деятельностью низших судов, когда без вмешательства в решение конкретного дела проверяется основание для ограничения прав человека. Таким образом возможно устранить случаи, когда лицо длительно находится под арестом вследствие плохой организации работы суда, необоснованного затягивания процесса или по другим неоправданным причинам.

7. После ознакомления с материалами дела **заявители** дополнительно поясняют, что при реализации оспариваемой нормы не обеспечиваются права лица на справедливый и объективный суд. Они указывают, что во время досудебного расследования арест применяется с учетом мнения как прокурора, так и подозреваемого. Подобным образом рассматриваются также жалобы на действия судьи. На стадии судебного разбирательства по делу Сенат принимает решение о продлении срока ареста по просьбе суда, рассматривающего дело. В данной просьбе для продления срока ареста указаны причины, о которых арестованный не имеет права высказать свое мнение.

Заявители также указывают, что настоящей причиной принятия оспариваемой нормы был факт загруженности судов. Но такая причина не может быть оправданием для продления срока ареста ни в понимании статьи 92 Конституции, ни части третьей статьи 5 Конвенции, ни части первой статьи 6 Конвенции.

Заявители также считают, что статья 92 Конституции включает право лица жаловаться на необъективность суда в судебном процессе, поэтому на стадии судебного разбирательства по делу срок ареста следовало бы продлевать какой-либо более низкой чем Сенат судебной инстанции.

Причем, заявители повторно подчеркивают, что оспариваемая норма не соответствует принципу презумпции невиновности. Ссылаясь на решение Европейского Суда по правам человека от 28 ноября 2002 года по делу «Лавентс против Латвии», они указывают, что национальные органы (суды) должны руководствоваться принципом презумпции невиновности при анализе всех обстоятельств для установления периода ареста или его продления. После известного времени даже обоснованность подозрений является недостаточной для продолжения содержания лица под арестом.

В дополнение к вышеупомянутому заявитель М.Саранс указывает, что не ясно, каким образом улучшается положение арестованных лиц, которые обвинены в совершении особо тяжких преступлений, преступлений, связанных с насилием или угрозой насилия. Оспариваемая норма не устанавливает максимальный срок для содержания лица под арестом, поэтому арест может длиться до предусмотренного Уголовным законом максимального срока.

М.Саранс также считает, что Сенат для принятия объективного решения о продлении срока меры пресечения должен потребовать из места заключения характеристику арестованного.

Часть выводов

1. В заявлении включено требование о соответствии оспариваемой нормы статье 92 Конституции, но из содержания и материалов заявлений, которые заявители представили после ознакомления с делом, следует, что следует оценить соответствие оспариваемой нормы первому и второму предложениям статьи 92 Конституции, а именно, что «каждый может защищать свои права и законные интересы в справедливом суде. Каждый считается невиновным, пока не признана его вина согласно закону.»

Конституционный суд уже в нескольких решениях (*см., например, решение Конституционного суда от 5 марта 2002 года по делу № 2001-10-01; решение от 4 февраля 2003 года по делу № 2002-06-01*) признал, что упомянутое в статье 92 Конституции понятие «справедливого суда» включает несколько взаимно связанных аспектов. Одним из них является «справедливый суд» как надлежащий, соответствующий правовому государству процесс, в котором дело рассматривается. В данном аспекте упомянутое понятие истолковывается во взаимосвязи с принципом правового государства, который следует из статьи 1 Конституции. Таким образом, статья 92 Конституции требует, чтобы в государстве была образована система, в соответствии с которой суд рассматривал бы уголовные дела в порядке, который обеспечивает справедливое и объективное судебное разбирательство по данным делам.

Для оценки соответствия оспариваемой нормы первому предложению статьи 92 Конституции в рамках данного дела следует выяснить, включает ли соответствующий «справедливому суду» процесс:

- 1) своевременное рассмотрение дела в суде;
- 2) право подсудимого выразить суду свое мнение о продлении срока ареста;
- 3) право подсудимого обжаловать решение Сената о продлении срока ареста.

При толковании содержания включенных в Конституцию норм прав человека первое предложение ее статьи 92 следует толковать по возможности в соответствии с интерпретацией, которая используется в практике применения международных норм прав человека, а также следует анализировать Конвенцию и ее интерпретацию в практике Европейского Суда по правам человека (*см. решение Конституционного суда от 17 января 2002 года по делу № 2001-08-01*).

2. Присоединением к Конвенции Латвия признала обязательную для себя обязанность обеспечить арестованным лицам также минимум прав, которые предусмотрены статьями 5 и 6 Конвенции, кроме прочего:

- 1) право на соблюдение презумпции невиновности;
- 2) право лица на своевременное (т.е. в разумный срок) рассмотрение дела;
- 3) право арестованного быть выслушанным на судебном процессе.

С учетом установленного статьей 89 Конституции, что государство признает и защищает основные права человека согласно Конституции, законам

и обязательным для Латвии международным договорам, и заключением, что целью законодателя не было противопоставление включенных в Конституцию норм прав человека международным нормам прав человека, а даже наоборот – достижение взаимной гармонии данных норм (см. решение Конституционного суда от 17 января 2002 года по делу № 2001-08-01), следует, что статья 92 Конституции гарантирует предусмотренный в части четвертой статьи 5, а также в части первой и второй статьи 6 Конвенции минимум прав.

3. Второе предложение статьи 92 Конституции устанавливает обязанность суда соблюдать презумпцию невиновности. Это означает, что суд и его должностные лица при выполнении своих обязанностей до объявления решения суда не должны выражать предположение, что подсудимое лицо виновно в совершении преступного деяния, подобно же должно поступать производящее дознание лицо или прокурор до момента передачи дела в суд. Доказательство и констатация вины подсудимого происходят только на судебном заседании при рассмотрении дела по существу.

Хотя арестом ограничивается одно из самых важных прав человека, а именно, право на свободу, суд в установленных законом случаях имеет право применять такое ограничение прав человека. Но при принятии решения об аресте на стадии судебного разбирательства по делу суд с учетом презумпции невиновности вначале должен оценить, существуют ли обоснованные подозрения, что подсудимый совершил преступное деяние. Причем, как выводы суда, в делопроизводстве которого находится уголовное дело, так и выводы Сената о продлении срока ареста должны основываться на правовых нормах, кроме прочего статье 92 Конституции, а также на объективных, существующих в конкретном деле обстоятельствах. Во-первых, следует учитывать, что при продолжении содержания лица под арестом в течение длительного времени подозрения о совершенном лицом преступном деянии должны основываться на более конкретных обстоятельствах, чем те, которые были достаточны для задержания лица или его первоначального ареста. Во-вторых, задача суда – оценить личность подсудимого, особенно для выяснения, не будет ли подсудимый, находясь на свободе, препятствовать ходу судебного разбирательства по уголовному делу и не будет ли он угрожать интересам общества, в том числе безопасности. В-третьих, как рассматривающий дело суд, так и Сенат обязаны учитывать, что уголовное дело по существу в суде еще не рассмотрено и что любые сомнения о констатированных обстоятельствах истолковываются в пользу подсудимого. Европейский Суд по правам человека по делу «Лавентс против Латвии» также указал, что оправдание содержания лица под арестом следует оценивать по каждому делу с учетом его особых обстоятельств. Длительное содержание лица под арестом может быть оправдано только в случаях, если имеются прямые указания на то, что существует действительный интерес общества, который с учетом презумпции невиновности важнее гарантированных статьей 5 Конвенции права лица на свободу [см. решение Европейского Суда по правам человека от 28 ноября 2002 года по делу «Лавентс против Латвии» (“*Lavents v. Latvia*”).

Так как оспариваемая норма не требует оценки вины подсудимого, можно согласиться с мнением Сэймы, что при прошении у Сената продлить срок ареста, если существуют обоснованные подозрения о совершенном лицом

преступном деянии и если в просьбе суда не указано на вину арестованного лица, судья не нарушил презумпции невиновности.

Таким образом, оспариваемая норма не препятствует суду соблюдать презумпцию невиновности.

4. Для констатации, препятствует ли оспариваемая норма судебному разбирательству по делу в разумный срок, следует проанализировать содержание и цель данной нормы.

Можно согласиться с утверждением руководителя рабочей группы по разработке проекта Уголовно-процессуального закона Латвии Г.Кутрисом, что вследствие перегрузки судов значительно увеличилось время рассмотрения дел. Для избежания чрезмерно длительного и необоснованного содержания лиц под арестом законодатель дополнил статью 77 Кодекса частью седьмой. Первые два ее предложения устанавливают максимальный срок содержания лица под арестом на стадии судебного разбирательства по делу в суде первой инстанции. Однако, законодатель предусмотрел также исключение из такого порядка путем установления для Сената возможности продлить арест в предусмотренных оспариваемой нормой случаях.

Хотя оспариваемой нормой не установлен максимальный срок ареста, это не мешает судебному разбирательству по делу в разумный срок, так как ни суд, который просит продлить срок ареста, ни Сенат не могут применять данную норму необоснованно. В практике Европейского Суда по правам человека при оценке сроков рассмотрения дела в целом до последнего судебного приговора признано, что по уголовным делам следует оценивать как сложность дела, как поведение арестованного, так и действия компетентного учреждения (суда). Европейский Суд по правам человека всегда обращал особое внимание на то, не виновны ли государственные учреждения и должностные лица в несвоевременном рассмотрении дела (*см. Grosz S., Duffy P.Q.C. Human Rights. The 1998 Act and the European Convention, Sweet and Maxwell, London, 2000, p. 249*).

При продлении срока ареста такой принцип следует соблюдать и в практике Сената. Поэтому Сенат должен тщательно и многосторонне оценивать представленные судом причины необходимости продления срока ареста, а также активность самого суда при судебном разбирательстве по делу, и отражать данные аргументы в решении. Особое внимание следовало бы обратить на причины, которые не позволили произвести судебное разбирательство по делу в установленный заранее срок ареста. Если констатируется, что судебное заседание не произошло только потому, что суд перегружен другими делами, продление ареста по данной причине было бы незаконным. Например, подобное мнение высказал Конституционный суд Чехии, посчитав, что перегрузка в работе суда не является юридическим оправданием того, что не соблюдаются права лица на своевременное рассмотрение дела (*см. решение Конституционного суда Чехии от 10 ноября 1998 года по делу № US 358/98*). В свою очередь, Европейский Суд по правам человека в нескольких решениях указал, что часть первая статьи 6 Конвенции обязывает государства-участников обеспечивать деятельность своей судебной системы таким образом, чтобы суды могли соблюдать все условия, в том числе обязанность рассматривать дела в разумные сроки [*см., например, решение*

Европейского Суда по правам человека от 16 сентября 1996 года по делу «Сизман против Германии» (“Süßmann v. Germany”)].

Обоснованным является мнение Сазймы о том, что суд по объективным причинам по делам об особо тяжких преступлениях, связанных с насилием или угрозой насилия, не всегда может произвести судебное разбирательство по делу в течение одного года и шести месяцев. Такими причинами могут быть, например, поведение подсудимого, которое препятствует рассмотрению дела, сложные экспертизы или другие объективные причины. В противном случае, если бы не была принята оспариваемая норма, подсудимые могли бы сознательно затягивать судебный процесс, чтобы дожидаться освобождения из под ареста. Причем, освобождение лица из под ареста без оценки его личности могло бы угрожать как свидетелям по делу лицам, так и безопасности общества.

Следовательно, оспариваемая норма не лишает арестованного права на своевременное рассмотрение дела.

5. Можно согласиться с мнением Сазймы, что статья 92 Конституции не предусматривает обжалование каждого решения суда в суде высшей инстанции. Статья 6 Конвенции также не налагает на государства обязанности внедрять во всех случаях систему апелляционных судов. Следовательно, государство само может устанавливать объем прав обжалования согласно своей правовой системе. При внедрении системы апелляционных судов государство может установить в своем национальном законе категории дел, по которым обжалование во второй инстанции не предусмотрено. Единственное точно сформулированное условие об апелляции включено в статью 2 седьмого протокола Конвенции, которая гарантирует упомянутые права только в случаях уголовного судопроизводства. Причем, часть вторая данной статьи допускает исключения, а именно, право обжалования можно не распространять на нарушения легкого характера, а также случаи, когда соответствующее лицо осуждено в первой инстанции высшей судебной инстанцией. Следовательно, государство обязано гарантировать обжалование только по уголовным делам более тяжкого характера.

Конституционный суд признал, что в статье 92 Конституции предусмотрен более широкий объем прав обжалования чем в части первой статьи 6 Конвенции и статье 2 седьмого протокола Конвенции, например, возможность обжаловать приговор суда по каждому уголовному делу, а также по делам об административных нарушениях (см. решение Конституционного суда от 20 июня 2002 года по делу № 2001-17-0106). Но такой расширенный объем прав обжалования не следует распространять на предусмотренные оспариваемой нормой случаи. Во-первых, по решению Сената о продлении срока ареста конкретное уголовное дело не решается по существу. Во-вторых, решение Сената о продлении срока ареста принимается только в исключительных случаях, когда тщательно оценены все возможные обстоятельства (см. пункт 4 части выводов данного решения). В-третьих, в оспариваемой норме установлено, что решение о продлении срока ареста принимает Сенат – самая высшая судебная инстанция в государстве. Следовательно, использованы признанные в практике Европейского Суда по правам человека права государству самому устанавливать, какие судебные решения обжаловать в суде высшей инстанции.

Следует учитывать, что оспариваемая норма не лишает подсудимого права представлять суду просьбы об отмене меры пресечения. Причем, Европейский Суд по правам человека признал, что проверка законности ареста не должна зависеть только от просьбы арестованного лица, она должна происходить по инициативе суда (*juridical control ... must be automatic*) в короткие промежутки времени, особенно, если лицо длительно содержится под арестом [см., например, решение Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2000 года по делу «Нидбала против Польши» («*Niedbala v. Poland*») и решение от 25 октября 1989 года по делу «Безичери против Италии» («*Bezicheri v. Italy*»)].

Таким образом, оспариваемая норма, не предусматривая право подсудимого обжаловать решение Сената о продлении срока ареста, не нарушает статью 92 Конституции.

6. Понятие справедливого суда включает также принцип равноправных возможностей сторон. Это предусматривает, во-первых, возможность всех вовлеченных в процесс сторон изложить обстоятельства дела и, во-вторых, не позволяет предоставлять какой-либо из сторон существенные преимущества по сравнению с оппонентом (см. *Law and practice of the European Convention on Human Rights and the European Social Charter, Council of Europe, 1996, p.172*). Так как в уголовном деле процесс, который начинается с момента возбуждения дела и заканчивается вступлением в силу приговора суда последней инстанции, является единым, упомянутый принцип следует соблюдать на каждой стадии судопроизводства по уголовному делу, в том числе и при решении о продлении срока ареста.

6.1. Право быть выслушанным следует из принципа правовой справедливости, который включает все гарантии судебного процесса. А именно, все доказательства должны быть доступными для всех, вовлеченных в дело; возможность вызвать свидетелей и равная возможность задать им вопросы; обязанность выслушать каждую сторону только в присутствии другой стороны; право на представительство; возможность выражать свои мысли по всем вопросам, фактам и правовым нормам.

Право подсудимого быть выслушанным является одной из самых важных процессуальных гарантий арестованного лица, которые не только следуют в общем из статьи 6 Конвенции, но в отношении меры пресечения – применения ареста – прямо из части четвертой статьи 5 Конвенции.

Данное право реализуется в нескольких видах, например, как право получать полную информацию о выраженном противной стороной мнении, собранных доказательствах и фактах, а также как право ожидать, что постановление суда с учетом выраженного сторонами мнения будет аргументированным. Причем, право быть выслушанным включает также право лица высказаться по фактам и правовым вопросам. Осуществление данного права следует обеспечить по меньшей мере в письменной форме.

Европейский Суд по правам человека также во многих решениях указал, что следует выслушать подсудимое лицо до принятия постановления суда. Например, суд признал, что достаточным средством для выслушивания лица была бы возможность представить им суду свое мнение в письменной форме. Но по конкретному делу ничто не свидетельствовало, что арестованному была дана такая возможность [см. решение Европейского Суда по правам человека от

21 октября 1986 года по делу «Санчесс-Райсс против Швейцарии» (“*Sanchez-Reisse v. Switzerland*”). В свою очередь, по делу «Ассенов против Болгарии» Европейский Суд по правам человека решил, что Болгария нарушила часть четвертую статьи 5 Конвенции, так как решение об оставлении ареста в силе в отношении подсудимого было принято без приглашения самого подсудимого для дачи пояснений, таким образом, ему не позволили очно обосновать свою просьбу об освобождении из под ареста [см. решение Европейского Суда по правам человека от 28 октября 1998 года по делу «Ассенов против Болгарии» (*Assenov v. Bulgaria*)].

Но оспариваемая норма, предусматривая право Сената продлевать срок ареста свыше одного года и шести месяцев, не устанавливает право подсудимого участвовать в судебном заседании или выразить свое мнение другим образом.

Хотя отдельные нормы Кодекса предусматривают, что в суде первой и второй инстанции при решении вопроса о применении ареста, продлении его срока или оставлении его в силе арестованное лицо следует пригласить или по усмотрению суда его можно пригласить (например, часть четвертая статьи 76, часть вторая статьи 77, часть третья статьи 222¹ и часть вторая статьи 226 Кодекса), однако, Кодекс прямо не регламентирует, в каком порядке просьбу суда о продлении срока ареста свыше одного года и шести месяцев следует рассматривать в Сенате.

В свою очередь, из имеющихся в материалах дела решений Сената о заявителях продления срока ареста видно, что данные лица не участвовали в распорядительном заседании Сената, а также до принятия конкретного постановления не было выяснено их мнение, а именно, не обеспечены права подсудимых быть выслушанными.

6.2. Принцип равноценных возможностей не позволяет какой-либо из сторон предоставлять существенные преимущества по сравнению с оппонентом. Поэтому Европейский Суд по правам человека также оценил в нескольких делах роль суда, прокурора или другого должностного лица в судебном процессе для выяснения, не следует ли признать какое-либо из данных должностных лиц «стороной» в конкретном деле. Если какое-либо из упомянутых должностных лиц выполняет различные функции в конкретном уголовном деле, можно усомниться в его объективности. Например, в деле «Нидбала против Польши» Европейский Суд по правам человека признал, что прокурор, который выполняет функции расследования и после этого обвинения, является одной из сторон в уголовном процессе. Таким образом, при решении вопроса о том, будет ли оправданным применение ареста, существуют сомнения о независимости и объективности прокурора [см. решение Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2000 года по делу «Нидбала против Польши» («*Niedbala v. Poland*»)].

Во время судебного разбирательства продление срока ареста свыше одного года и шести месяцев правомочен просить суд, в судопроизводстве которого находится конкретное уголовное дело. При подаче в Сенат соответствующей просьбы суд должен аргументировать, почему необходимо дальнейшее применение ареста. Так как в данных судебных действиях можно усмотреть элементы «стороны» судебного процесса, и для второй «стороны», а именно, подсудимого, в процессе следует обеспечить равные права.

Следовательно, подсудимому следует дать возможность как ознакомиться с соображениями суда о продлении срока ареста, так и высказаться в свою защиту. Но ни нормы Кодекса, ни практика продления срока ареста в Сенате не свидетельствуют, что арестованному такие права обеспечены. Таким образом, нарушается принцип равных возможностей.

Следовательно, оспариваемая норма не обеспечивает гарантированные статьей 92 Конституции права лица на справедливый суд.

7. При принятии решения о моменте, с которого оспариваемая норма утрачивает силу, суд учитывает, что порядок обеспечения права подсудимого быть выслушанным должен быть установлен законом. Но и до принятия соответствующих правовых норм в Сазэме Сенат при принятии решения о продлении срока ареста должен обеспечить гарантированные статьей 92 Конституции права подсудимого быть выслушанным.

Заключительная часть

На основании статей 30-32 Закона о Конституционном суде Конституционный суд

решил:

признать предложение 3 части седьмой статьи 77 Уголовно-процессуального кодекса Латвии не соответствующим статье 92 Конституции и недействительным с 1 октября 2003 года, если законом не будет установлен порядок обеспечения права подсудимого быть выслушанным.

Решение окончательно и обжалованию не подлежит.

Решение вступает в силу в день его опубликования.

Председатель судебного заседания

А.Эндзиньш